

30 сентября 2015 года примерно в 13 часов по багдадскому времени – то есть в 14 часов по московскому – в посольстве США в Ираке появился генерал-лейтенант Сергей Кураленко, представитель Генштаба Вооружённых сил России. Он встретился с американским военным атташе по вопросам безопасности полковником Хади Петро и проинформировал его, что через час российская авиация начнёт наносить удары по позициям ИГИЛ в Сирии.

В этот момент российские бомбардировщики с полной боевой нагрузкой уже выруливали на взлётные полосы авиабазы Хмеймим в Сирии.

На следующий день, 1 октября 2015 года официальный представитель российского Министерства обороны сообщил, что Россия разместила свыше 50 летательных аппаратов, включая СУ-34, в Сирии.

Такого поворота событий ни американское руководство, ни его союзники, ни западные и арабские СМИ не ждали. В первых комментариях сквозила, мягко говоря, растерянность. Как русские посмели? Как реагировать на этот шаг? Одобрить операции против общего врага и начать координацию действий? Но ведь уже шла “малая” холодная война, и все контакты с русскими были прерваны, стояла стратегическая задача “наказать” Россию за Украину и Крым и “изолировать её” за слишком большую самостоятельность. Осудить? Но удары наносились по тем самым террористам или их последователям, которые взорвали башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке.

Удары российских аэрокосмических сил продолжались более двух лет. Иногда интенсивность резко возрастала. Изредка были паузы по гуманитарным или политическим соображениям. Большая часть боевых вылетов происходила с авиабазы Хмеймим. По согласованию с правительством Ирана и Ирака использовались крылатые ракеты с кораблей Каспийской военной флотилии и стратегические бомбардировщики дальнего действия. Наносились ракетные удары с российских военных кораблей в Восточном Средиземноморье, в том числе с подлодки в погружённом состоянии. В октябре 2016 года из Североморска сюда был направлен авианосец “Адмирал Кузнецов” с группой сопровождения, и в операциях стала участвовать его палубная авиация. В августе 2016 года дальние бомбардировщики Ту-22М3 и Су-35 использовали иранскую авиабазу Хамадан. Иранское руководство согласилось на это лишь на краткий промежуток времени.

---

* Данный материал основан на книге автора “От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке”, который публикуется в издательстве “Центрполиграф”.

Впервые в постсоветской истории Россия развернула на удаленном театре военных действий межвидовую группировку, включающую смешанное авиационное соединение, подразделения сил специальных операций, морской пехоты, ВДВ. Автор не считает себя военным специалистом, но полагает, что одновременно происходила проверка боеготовности техники и личного состава в условиях боевых или близких к боевым, отрабатывались возможности новых видов оружия, выявлялись недостатки, пути совершенствования вооружённых сил.

Военное вмешательство России, безусловно, изменило и баланс сил, и всю военно-политическую обстановку в Сирии. Были укреплены позиции правительства, улучшено моральное состояние армии, ослабели позиции джихадистов и стала сужаться зона их контроля. Правительственные войска и их союзники наступали, джихадисты были ослаблены и отступали. Всё это не означало “победу” или “путь к победе” баасистского режима, но открывало возможности для конструктивных переговоров. Несколько раз добивались прекращения огня с силами “здоровой” оппозиции.

Какие цели ставила Россия, вмешавшись в сирийские события? Главной была двуединая задача – ослабить экстремистские, террористические организации ИГИЛ, “Ан-Нусра” и их союзников и усилить, а фактически спасти законное сирийское правительство. Одновременно была поставлена цель опробовать и продемонстрировать, хотя и в ограниченных масштабах, возрождённую военную мощь страны. Третья задача, может быть, необъявленная, подразумевала в конкретных сирийских условиях “принудить” США и их союзников сотрудничать с Россией, для начала в военно-тактической области. Наконец, хотя открыто это никогда не высказывалось, найти точки более широкого сотрудничества с Западом и доказать, что оно необходимо всем не только на Ближнем и Среднем Востоке, но и в Европе, и во всем мире.

Опасности для России, сопряжённые с её военным вмешательством, были очевидны. Одна из них – всё более глубокое втягивание в военные действия, что могло привести и привело к гибели российских граждан, пусть в ограниченном числе.

Следующая опасность – подъём антироссийского терроризма, начиная со взорванного пассажирского самолёта над Синаем и кончая попыткой организовать или осуществить террористические акты в самой России. Возможно, что этот аспект не был напрямую связан именно с действиями российских ВКС в Сирии; теракты происходили и продолжали бы происходить вне зависимости от прямого участия России в сирийских событиях. Не опубликованы официальные данные о размерах финансового и экономического бремени, которое Россия приняла на себя в связи с сирийской кампанией. Но было бы логичным предположить, что в условиях экономического кризиса и антироссийских санкций оно было тяжёлым.

Наконец, нелишне учитывать мощное влияние антироссийски настроенных западных СМИ, которые получили дополнительный повод создать альтернативную, виртуальную реальность, в которой России отводилась роль “деспота”, помогающего “кровавому режиму” “уничтожать” собственный народ. Россия была персонифицирована в образе её президента, что облегчало воздействие на массовую аудиторию. Впрочем, в информационной войне в киберпространстве Россия наносила и существенные контрудары.

В целом российская военная кампания в Сирии означала на конец 2017 года крупный военно-политический успех. Нельзя употреблять слово “победа”, потому что оно подразумевает набор других критериев: что считать “победой” или “поражением” в той зыбкой ситуации, которая сложилась в целом в мире и в особенности на Ближнем и Среднем Востоке? Силловые действия против экстремистских, террористических организаций и их разгром, промежуточные меры по деэскалации, одновременно запуск политического процесса между правительством и “здоровой” оппозицией, формирование переходного правительства, выработка конституции, выборы в стране – вот это и означало бы победу российской политики. Парадоксально, но это была бы и победа западной политики, если её понимать с точки зрения реальных, национальных интересов, а не задачи унижить, ошельмовать Россию и привести к власти кого угодно, только не друзей России, а дальше – хоть трава не расти.

«Россия выступает за политическое урегулирование ситуации в Сирийской Арабской Республике и определение будущего страны сирийским народом на основе положений Женевского коммюнике от 30 июня 2012 г<ода>, заявлений Международной группы поддержки Сирии и соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН. Россия поддерживает единство, независимость и территориальную целостность Сирийской Арабской Республики как светского, демократического, плюралистического государства, представителем всех этноконфессиональных групп которого будут жить в мире и безопасности и пользоваться равными правами и возможностями», – говорится в Концепции внешней политики России 2016 года*. Можно задать риторический вопрос: что, какой нюанс в этом положении Концепции внешней политики России противоречит интересам США и Запада в целом? Но вряд ли этот вопрос услышат западные лидеры и западные СМИ, а если услышат – просто отмахнутся.

Стратегия выхода из ситуации остаётся сложной задачей. Россия смогла сыграть в Сирии, но только в Сирии, решающую роль. Если быть реалистами, стоит заранее признать, что в целом на Ближнем и Среднем Востоке она в силу, прежде всего, экономических обстоятельств не может играть первую скрипку, тем более быть дирижёром. У стран региона по-прежнему главные направления экономического сотрудничества направлены на США, Западную Европу, Китай и поднимающуюся Индию. Россия в экономической области останется в регионе на вторых-третьих ролях. Поэтому стремление к нахождению общих позиций с Западом остаётся существенным вектором её политики.

Действия ВКС в Сирии вызвали в целом положительную реакцию российского населения, униженного долгими годами небрежения со стороны Запада. Произшёл взлёт популярности президента В. В. Путина в годы, когда страна попала в полосу экономического кризиса, а уровень жизни большинства несколько упал. Конечно, главной причиной этого феномена была его твёрдая позиция по Крыму. Действия в Сирии – «мы своих друзей не бросаем!» – добавляли популярности президенту РФ. Это отвечало специфике внутренней ситуации. Но одновременно создавалась опасность, что кто-нибудь из политической элиты будет увлечён именно таким способом укрепления существующей структуры власти.

На политику по отношению к Сирии воздействовал и другой фактор, которого в Москве и не скрывали. Речь идёт о симпатиях части экстремистски настроенного мусульманского населения как в самой России, так и в бывших советских республиках, к ИГИЛУ, «Ан-Нусре» (запрещённым в России) и другим террористическим организациям.

Когда начались действия воздушно-космических сил в Сирии, в рядах джихадистов численность выходцев из России и Средней Азии определялась в 2 тысячи человек. Через полтора года военных действий называлась уже цифра 7 тысяч человек*. Это означало, что, несмотря на определённые потери, какая-то часть обстрелянных и фанатизированных боевиков будет возвращаться в Россию и создавать или спящие, или действующие ячейки джихадистов, готовые к терактам. Задача внутренней безопасности, межконфессионального сотрудничества, укрепления традиционной российской толерантности по-прежнему стояла на повестке дня. Нужно было пройти по узкой тропинке применения силы в отношении джихадистов и соблюдения уважения к исламу и мусульманам.

Кто из региональных и внерегиональных акторов выиграл, и кто проиграл в Сирии? О США мы будем говорить особо.

Турция, заняв изначально позицию поддержки оппозиции, в том числе исламистской, неожиданно столкнулась с внутренней дестабилизацией по комплексным причинам. А появление на её границах ещё одного автономного курдского района («Раджава») создало дополнительную тыловую базу для боевых отрядов Курдской рабочей партии, которая ведёт вооружённую борьбу против Анкары. Временное обострение отношений с Россией стоило ей се-

* См.: Концепция внешней политики России (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30 ноября 2016 года.) http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248

** Путин: «В ИГ воюют от 5 до 7 тысяч выходцев из СНГ» – http://www.bbc.com/russian/news/2015/10/151016_putin_cis_isis

рьбных экономических потерь и ослабления геополитических позиций. В целом вмешательство в Сирии под флагом неоосманских иллюзий перечеркнуло надежды Турции на роль лидера Ближнего и Среднего Востока.

А что Иран? Видимо, он выиграл, оказав вместе с ливанской “Хезболлой” военную поддержку режиму Б. Асада. В Ираке он действовал вместе с США, поощряя иракских шиитов на войну с ИГИЛ. Пойдя на компромисс в своей ядерной программе, Иран добился отмены направленных против него санкций и развязал себе руки для активных действий в регионе. Но он стал участником нарастающего шиитско-суннитского противостояния. Для “арабской улицы” он из антизападной, а значит, популярной державы стал первым лицом в “шиитской оси”, якобы враждебной суннитскому мусульманскому большинству.

И Турция, и Иран увеличили свой геополитический вес, выступив вместе с Россией в Сирии в качестве коспонсоров прекращения огня и активизации политического процесса.

В числе проигравших был Катар, по престижу которого ударила неудачная ставка на исламистов в сирийской гражданской войне. Оказалось, что деньги играют важную, но отнюдь не решающую роль в серьёзной политике и в Сирии, и в целом в регионе.

Саудовская Аравия отказалась от роли закулисного игрока, которую она успешно освоила при короле Фейсале в 60 – 70-е годы прошлого столетия, и ввязалась в безвыигрышные войны. Она прямо участвует в йеменской войне и косвенно – в Сирии. И в том, и в другом случае это было проявление антииранской стратегии, которая изматывала страну экономически и не приносила политических дивидендов. Правда, в Египте Эр-Рияд сыграл успешную партию, сделав ставку на падение “братьев-мусульман”, но в Сирии антиасадовская риторика и антишиитский настрой мешали Саудовской Аравии присоединиться к России, Ирану и Турции, чтобы выступить в качестве одного из миротворцев. Неудачи в региональной политике накладывались на внутренние проблемы: дефицит бюджета в десятки миллиардов долларов из-за падения цен на нефть и военных расходов и разногласия в правящей семье Саудилов.

Для США неудача главной провозглашенной задачи – свалить бааситский режим и лично Б. Асада – была лишь очередным звеном в цепи ошибок и провалов на Ближнем и Среднем Востоке.

Четверть века назад казалось, будто неведомая сила вдруг выдернула из устоявшегося ближне- и средневосточного порядка одну из его составляющих – советскую политику. Советский Союз был одним из факторов ближне- и средневосточного баланса сил и в ряде случаев стабилизировал обстановку. Казалось, что было расчищено поле для безраздельного доминирования США.

Картина, на первый взгляд, изменилась до неузнаваемости, ибо не было уже ни “коммунистической угрозы”, ни советско-американской конфронтации, ни подхода к арабо-израильскому конфликту как производному от неё, ни идеологически близких “друзей” СССР. Мало того, некоторые прежние составные части СССР, его южные республики – ныне независимые государства – быстро становились участниками региональной драмы и в качестве объектов, и в качестве субъектов.

В новой ситуации в 90-е годы прошлого века и в первые десятилетия нашего в регионе изменился стратегический баланс сил. Если альянс США и Израиля оставался действенным, то соглашения о дружбе и сотрудничестве между рядом арабских стран и СССР, имевшие характер полусоюзнических связей, превратились в прах.

Возник колоссальный стратегический дисбаланс в пользу Израиля и США. Не имея сил и средств для его устранения, общество мусульманских стран отвечало на это унижение, разочарование и бессилие новым взрывом фундаментализма и мусульманского экстремизма. Гегемония США на Ближнем и Среднем Востоке казалась абсолютной. Но ей бросил вызов Иран, особые позиции были у Сирии и Ливии. Конечно, все три страны хотели бы установить отношения партнёрства с Соединёнными Штатами, но Вашингтон не был к этому готов.

Что же, ближневосточная политика Москвы канула в Лету как исторический казус? Но ситуация развивалась отнюдь не по линейной траектории.

В тот период, в 90-е годы XX века и нулевые XXI-го Россия не могла вмешиваться в действия Вашингтона, хотя достаточно тактично указывала на

ошибки его политики в регионе, не вступая в конфронтацию, а, наоборот, желая найти способы сотрудничества.

Самым ярким примером этого была помощь России действиям США и других стран НАТО в Афганистане: сам Кабул был взят войсками не США, а Северного альянса, вооружённого Россией и Ираном, впоследствии Соединённым Штатам была предоставлена логистика для переброски в Афганистан и из Афганистана персонала и грузов воздушным и наземным путём, происходило кое-какое сотрудничество спецслужб.

Россия пыталась доказать необходимость новой политики: враг моего врага совсем не обязательно мой друг, он может быть общим врагом, и победа над ним будет означать выигрыш для всех. Но именно эта позиция отвергалась Соединёнными Штатами, которые тогда были гегемоном в регионе.

У России после периода упадка и колебаний сложились как глобальные, так и региональные интересы. Благодаря своему потенциалу – ядерному, демографическому, территориальному, научному – она оставалась в верхнем эшелоне мирового сообщества. Именно с этим не хотели мириться страны Запада, что и вызывало сначала лёгкие моменты напряжённости, впоследствии превратившиеся в некую новую, пусть и ограниченную холодную войну.

Оценивать политику стран Запада и России в регионе в отрыве от Европы, мировой ситуации, от событий на Украине и в Крыму было бы контрпродуктивно. Когда холодная война завершилась поражением и распадом Советского Союза, краткое время в Москве господствовали надежды на новые, равные, взаимовыгодные отношения с Западом.

Но, как оказалось, его лидеры, упоённые результатом холодной войны, которую СССР проиграл в экономической, социальной, информационной областях, хотя и не в военной области, пошли на ряд действий, которые иначе как враждебными по отношению к России назвать нельзя. После соответствующей идеологической обработки бывшие страны Варшавского Договора и республики Прибалтики были втянуты в НАТО, что приблизило блок вплотную к России. Мало того, в восточноевропейских странах стали размещать системы противоракетной обороны в надежде уменьшить или ликвидировать потенциал ответного удара российских стратегических сил. С интересами России в области безопасности, с другими национальными интересами просто не считались. Надежда была на дальнейший развал самой России. Уже поговаривали о том, что Сибирь – это не российское, а “всемирное достояние”.

Москва на практике признала бывшие административные границы, существовавшие в Советском Союзе между входившими в него республиками. Автору этих строк известно из надёжных источников, что уже шли переговоры с Украиной, чтобы определить, кому в Керченском проливе принадлежит те или иные крошечные острова и отмели. Но при этом российская политика по отношению к Украине строилась на трёх принципах, которые в Москве считали самоочевидными,

Во-первых, Украина должна была остаться дружественным и “постоянно нейтральным государством, которое не будет принимать участия в военных блоках” (как провозглашала Декларация о государственном суверенитете Украины 1990 года*), с территории которого никакая угроза национальной безопасности России не могла исходить.

Во-вторых, российские военные базы в Крыму, обеспечивавшие безопасность страны на южном направлении, должны были остаться в руках России.

И в-третьих, русский язык, на котором как на родном говорила примерно половина населения Украины, должен был остаться или государственным, или языком межнационального общения.

И всё! Всё остальное могло решаться путём переговоров, пусть трудных и долгих, в интересах двух братских народов. Как говорил А. А. Громыко, “лучше десять лет переговоров, чем один день войны”.

Но на Украине всё больше тон задавали оголтелые националисты, объявившие своими героями тех, кто служил в рядах дивизии СС “Галичина” гитлеровской Германии. Русофобские настроения поддерживали многочисленные западные фонды. Вопреки прежним обещаниям, принимались меры, чтобы втянуть Украину в НАТО, по этому поводу руководство блока делало офици-

* Декларация о государственном суверенитете Украины (1990) – <https://ria.ru/spravka/20150716/1127839049.html>

альные заявления, а они воспринимались украинскими националистами как руководство к действию. Искусственно затруднялось нормальное функционирование российских баз в Крыму. Мало того, на полуострове стали проводить совместные учения сил НАТО и украинских вооружённых сил, несмотря на протесты местного населения.

Россия не могла на это не реагировать. Элементы холодной войны возродились ДО событий в Сирии, ДО украинского “майдана”, ДО референдума в Крыму, ДО кровопролития на Донбассе. Ущерб и для России, и для Украины очевиден.

Любые призывы России найти с Западом общие точки соприкосновения, общую сферу интересов, найти способы мирного решения конфликтов, в частности, на Ближнем и Среднем Востоке – все эти предложения искажались, заматывались, отвергались. Было ли разумным такое поведение и лидеров, и СМИ Запада? Отвечало ли оно их национальным интересам и даже эгоистическим интересам западных элит?

Оказалось, что Россия в лице Советского Союза была для них противником не только идеологическим, не только потому, что пыталась создать альтернативную социально-политическую систему, отрицающую западные ценности, основанные на частной собственности и индивидуализме. Просто Россия должна была подчиняться, “быть ведомой” по тому пути, который определял сам Запад. А если это не происходило, она становилась противником.

Однако в Москве задавали вопрос: насколько правильно вёл себя Запад в целом в мире и в регионе Ближнего и Среднего Востока, насколько эффективной была его политика и не приводила ли она к отрицательным результатам для всех? Разве не об этом говорили последствия военной интервенции в Ирак, а позднее – в Ливию? Мир реально становился более сложным и полицентричным, но это не укладывалось в мышление и стратегию Вашингтона.

Что нужно России в регионе? Стабильность и предсказуемость. Торгово-экономические, культурные, туристические связи, безопасность воздушных и морских коммуникаций. Это – декларированные задачи. Они общие для России, Запада, Китая, Индии. Правда, сейчас уже никто не может гарантировать стабильность и предсказуемость, даже в евроатлантической зоне, даже во взаимоотношениях между США и Китаем, не говоря уже о Ближнем и Среднем Востоке. В мире обостряются противоречия, связанные с неравномерностью развития, с соперничеством ценностных ориентиров, появляется угроза хаотизации всей мировой системы.

При этом Россия не может быть по основным экономическим показателям главным актором и полицентричного мира, и конкретно в этом регионе, какова бы ни была велика её роль в Сирии. Однако сотрудничество и с местными акторами, и с мировыми державами может охватывать широкий спектр: нераспространение ядерного и другого оружия массового уничтожения, предотвращение неконтролируемого трафика оружия, нелегальной миграции, торговли людьми, незаконного оборота наркотических и психотропных средств, борьба с преступностью в киберпространстве. Местные проблемы экономической безопасности, изменение климата, доступа к воде могут решаться только совместными усилиями.

На первом месте стоит терроризм, вернее, исламистский экстремизм. “Россия рассматривает борьбу с международным терроризмом в качестве важнейшей государственной задачи и ключевого приоритета в сфере международной безопасности”, – говорится в Концепции внешней политики Российской Федерации*.

Военный разгром ИГИЛа, “Ан-Нусры” возможен, как недавно произошёл военный разгром “талибов” и “Аль-Каиды”, как продемонстрировало падение оплотов ИГИЛа – Мосула в Ираке и Ракки в Сирии. Но эти экстремистские организации появляются в новом облики. Идеология экстремизма даёт простые ответы (точнее, псевдоответы) на сложные вопросы современности.

Полная “победа” над ними возможна лишь совместными усилиями при коренной замене социально-политических, экономических, психологических условий во всемирном масштабе, установлении отношений равенства и взаимопочтения. Проекты “Исламского государства”, всемирного или местного халифата, сами по себе средневековые, фактически обречены на провал.

* Концепции внешней политики России. . .

Но идеи могут возрождаться и привлекать к себе новых сторонников. Неравноправие большинства мусульманских стран по отношению к евroatлантическому региону порождает протесты, в том числе и в террористической форме. Терроризм был, есть и – увы! – будет. Вопрос масштаба.

Ближний и Средний Восток будут меняться, но куда и как? Исламская система шиитской “демократии” оказалась эффективной в Иране. Надолго ли? Использование рамок, похожих на западную демократию, оказалось эффективным для укрепления исламистских умеренных сил в Турции. Надолго ли? Как будет обеспечена трансформация автократического режима в Египте и монархий Аравийского полуострова? Вопросов больше, чем ответов.

Россия не вмешивается в эти процессы, не выступает в роли “учителя”, тем более ничего никому не навязывает. Она была нейтрально доброжелательной по отношению к “арабской весне” и “арабской зиме”. Выбор пути развития – за странами региона. Лишь позиции исламистского экстремизма и терроризма остаются абсолютно неприемлемыми.

У России остался капитал сотрудничества со своими непосредственными южными соседями, сложившийся за столетия, с арабским миром – за десятилетия. Россия, действительно, стала более прагматичной, её политика избавилась от приставки “про”, она стала не “проарабской” и не “произраильской” и, в принципе, пытается служить своим собственным интересам. После попыток отождествления своей политики на Ближнем и Среднем Востоке с курсом Вашингтона стало ясно, что интересы и США, и России в регионе, хотя и не конфронтационные, но разные, а принимать в общую игру Россию Запад как здесь, так и в Европе не собирается. Односторонние уступки России воспринимались как должное, и в виде “вознаграждения” в лучшем случае использовался какой-то декорум.

Отказ от великодержавности, от конфронтации и мессианских идей заставил Россию пересмотреть отношение к конфликтам в регионе. Если раньше главный вопрос заключался в том, чьи союзники (“друзья”), “клиенты” участвуют в конфликте, и “враг моего врага” становился “другом”, то в настоящее время превращение Ближнего и Среднего Востока в зону мира и стабильности соответствовало бы и краткосрочным, и долгосрочным интересам и России, и США, и Запада. Повторим: “враг моего врага” мог становиться общим врагом.

Россия сделала в политике упор на двусторонние отношения. Их экономический компонент стал главным и увеличился вместе с выходом страны из кризиса, с упором на расширение внешнеэкономических связей, хотя ещё далеко не совершенных. Строительство атомных электростанций и запуск спутников показывают, что Россия может быть партнёром и в области высоких технологий. Географическая близость и взаимодополняемость экономик на основе создания совместных предприятий и взаимного инвестирования капиталов может позволить России найти свои ниши в мировой экономике.

Значительный рост экономического обмена между Россией и странами Ближнего и Среднего Востока – дело будущего, пока же экспорт российского оружия остаётся важной частью её экономической экспансии. Россия участвует во всех мерах по устранению в регионе ядерного, биологического, химического оружия. Это зона потенциального взаимопонимания с Западом. Но законные оборонные интересы ряда стран встречаются в Москве положительный отклик. Расплата за оружие предпочтительна для России в ограниченные сроки. Старых военных долгов полностью никто не выплачивал. Никто не будет платить за уже сделанный выстрел, особенно за пулю или снаряд, выпущенные мимо цели.

Брожение в регионе с терактами, взрывами и даже войнами будет продолжаться на уровне или нынешнего, или более умеренного хаоса. Политические течения, выступающие за различные варианты развития, будут искать свои модели. Либерально-демократические, исламские, исламистские, какие-то свои собственные. Россия продемонстрировала, что она с одинаковым доброжелательством и нейтралитетом относится к любым социально-политическим экспериментам, которые здесь проходят, за исключением крайнего экстремизма и терроризма, ставшего уже всемирной угрозой.

Во внешней политике будет учитываться российское общественное мнение, симпатии или антипатии к тем или иным общественно-политическим или религиозным течениям и к тем или иным странам или режимам. Поэтому

и поведение Израиля, и судьба мусульманских и христианских святых в Иерусалиме, и возможные конфликты между мусульманскими странами и Западом, и судьба христианского населения в регионе становятся в России вопросами как внешней, так и внутренней политики.

На сочетании общих интересов и стремлении сузить или игнорировать противоречия будут строиться отношения России с Турцией с учётом появления здесь и в Сирии негосударственных акторов, в частности, курдов. Не жертвуя принципами, Москва стремится сохранить нормальные отношения с правительствами тех стран, где они проживают. Но курдская проблема, которая затрагивает Ирак, Турцию, Иран и Сирию, – самый крепкий орешек. В курдском вопросе Россия по-прежнему “сидит на заборе”. Позиция некомфортная, но лучшей пока нет.

Россия проводит линию на всестороннее развитие сотрудничества с Исламской Республикой Иран, а также добивается последовательной реализации всеобъемлющей договорённости по урегулированию ситуации вокруг иранской ядерной программы на основе соответствующей резолюции Совета Безопасности ООН, решений Совета управляющих МАГАТЭ и оказывает этому процессу всестороннее содействие.

С Египтом Россия связывает особые отношения. Казалось бы, обе страны бесконечно различны своей историей, культурой, религией, масштабом, менталитетом, образом жизни, географически довольно далеки друг от друга. Менялись режимы, идеология, политика. Но оказалось, что их высшие государственные интересы никогда не сталкивались, но дополняли друг друга. На этой основе будет строиться их общее будущее.

Превращение Ближнего и Среднего Востока в подлинную зону мира и стабильности, в том числе урегулирование “матери всех конфликтов” – арабо-израильского, – соответствовало бы и краткосрочным, и долгосрочным интересам России.

Москва продолжает приветствовать формулу ближневосточного урегулирования “мир в обмен на землю”. Но она вряд ли будет гарантом какого-либо соглашения, если не будут соблюдены определённые принципы. Даже официально декларированная советская политика в деле ближневосточного урегулирования выглядела железобетонной, заставшей, малоподвижной, потому что она была принципиальной. Она не менялась даже от смены режима к режиму, от советского к постсоветскому периоду. Урегулирование в рамках резолюций СБ ООН № 242 (1967) и № 338 (1973)* было и остаётся базой российской политики.

Объём суверенитета, границы будущего Палестинского государства, характер его руководства, особенности его нейтралитета, демилитаризации, его отношения с Иорданией и Израилем, самый сложный вопрос о статусе Иерусалима, о судьбе беженцев – всё это могло бы быть предметом переговоров и компромиссов.

Но признание других основ урегулирования по израильской схеме означало бы двойную потерю для России. Во-первых, отход от принципов решительно подорвал бы кредит доверия к Москве в арабском и мусульманском мире. Во-вторых, беспринципное “урегулирование” означало бы диктат более сильной стороны – Израиля и его “стратегического союзника” США – и бросило бы в землю семена более глубокого и более разрушительного конфликта в не столь отдалённом будущем.

Позиция автора по отношению к ближневосточному урегулированию сводится к следующему. Конфликт в нынешнем виде будет продолжаться достаточно долго. Израиль будет продолжать отхватывать кусочек за кусочком палестинской территории, строить новые поселения, хотя проблема увеличения численности еврейского населения в самом Израиле под вопросом. Здесь сейчас живёт более трети всех евреев мира. Новой волны иммиграции в данных условиях ждать не приходится, хотя резкое и непредсказуемое изменение ситуации в мире может привести к росту желающих уехать “на историческую родину”.

Если перейти с языка деклараций к альтернативам развития событий, можно предположить несколько вариантов.

* Резолюции Организации Объединённых Наций № 242 и 338 – jhistory.nfurman.com/teacher/06_166.htm

Первый — это тот, о котором только что шла речь.

Второй вариант — “решение” по принципу этнической чистки палестинцев, то есть изгнание максимального их числа за линии перемирия, которые контролирует Израиль. Это был бы шаг крайне правой части истеблишмента, бросающий вызов не только арабам и всем мусульманам, но и мировому сообществу. В каких-то чрезвычайных обстоятельствах, возможно, это сошло бы с рук. Этот вариант экстремистский, он труден, потому что мир охвачен информационными технологиями и просто делать что-то, чтобы поставить человечество перед свершившимся фактом, опасно. Мало того. В истории часто действовал принцип бумеранга: зло, причинённое другим, возвращалось к тем, кто его совершил.

Третий вариант — чисто теоретический, наивный, идеальный и вряд ли осуществимый. Он заключается в создании единого арабо-еврейского государства с подлинным равноправием его граждан. Подразумевается как участие арабов наравне с евреями в политической, военной, деловой, образовательной и другой деятельности, так и возможность приобрести землю и другую собственность. Такого рода государство, если бы оно было создано, стало бы экономическим, финансовым, инновационным, научно-техническим центром Ближнего Востока с положительным воздействием на ситуацию как в самом Израиле — Палестине, так и во всем регионе. Исчез бы прецедент антиизраильской риторики экстремистов. Открылись бы широчайшие возможности использования талантов и евреев, и палестинцев и процветания и тех, и других.

Можно предположить, что этот вариант отвергнет абсолютное большинство евреев и значительный процент арабов хотя бы потому, что взаимная ненависть и недоверие за годы, прошедшие после образования Израиля, и арабо-израильских войны — реальный фактор политики и психологии. Выросло поколение палестинцев, особенно молодёжи, которые ненавидят не только Израиль, но и любого еврея. Они готовы, если в их руки не попадет автомат, заточить пластмассовую школьную линейку, превратить её в примитивный нож, чтобы пырнуть любого еврея. А солдат-еврей считает себя вправе сначала стрелять в подозрительного араба, а потом думать.

Изменить эту психологию трудно. Как показала практика, так же трудно добиться территориального отделения этих стран друг от друга. Отказ от израильской оккупации сектора Газа привёл к созданию не процветающего Гонконга, а огромного вооружённого, озлобленного гетто, которое не собирается признавать необходимость сосуществования с Израилем, хотя фактически сосуществует с ним.

Разговоры о создании Палестинского государства останутся частью политического дискурса, в том числе российского, но не более. Ведь главный вопрос — что понимать под термином “государство”. Если “государство” значит знамя, гимн, “мерседесы” для высших чиновников, почётный караул и т. д., то в этом смысле Палестинское “государство” может появиться.

Но фактически оно, как сейчас Палестинская автономия, будет играть роль муниципалитета, заниматься водой, канализацией, школами, больницами и т. д. А как насчёт суверенитета и территории? Суверенитет под оккупацией невозможен, а населённые палестинцами территории представляют собой разрозненную сеть мини-бантустанов, которые в подлинное государство просто не могут превратиться без эвакуации значительной части еврейских поселений, что вообще не представляется реальным.

В этих условиях Россия будет поддерживать дружественные политические и торгово-экономические отношения с Израилем, изредка находить точки политического соприкосновения, делать совместные заявления по поводу борьбы с терроризмом и, может быть, даже обмениваться опытом в этой борьбе. Россия будет продолжать говорить о признании прав палестинцев, оказывать им кое-какую помощь, поддерживать связи с различными палестинскими фракциями. Что ещё? Конечно, будут развиваться культурные и семейные связи, российский туризм в Израиль. Но реальный стратегический партнёр, союзник и защитник Израиля — США, и ни на какую Россию этого друга Израиль не променяет. Да и России такой слишком близкий друг не нужен.

Пока что мало внимания уделяется фактору, который может оказаться решающим для определения политики России, США и других стран в регионе. Мировая экономика на ближайшие 20–30 лет по углеводородам может оказаться ресурсоизбыточной. Может ещё больше сократиться нефтяная и газовая

рента стран региона, богатых этими ресурсами, что будет влиять и на общую экономическую ситуацию.

Причина в “сланцевой революции”, которую переживают США. Толчок к ней дали сверхвысокие цены на нефть, когда многим казалось, что её запасы вот-вот истощатся, поэтому цены взлетели и будут расти. Но именно благодаря высоким ценам на нефть США начали энергично осваивать её добычу из горючих сланцев. И если 5–7 лет назад себестоимость барреля из горючих сланцев была около \$100, то сейчас в пределах \$20–50, хотя пока что ближе к 50. Быстрое и успешное развитие технологий добычи в сочетании с мерами по защите окружающей среды вызвало бум в производстве сланцевой нефти. Это означает, что рынок, в котором сейчас пока что господствуют цены в районе \$50 за баррель, может оказаться перенасыщенным, всё большую долю будет захватывать сланцевая нефть.

Конечно, по-прежнему себестоимость нефти в районе Персидского залива будет меньше \$10. Производители смогут сохранить за собой значительную долю рынка. Но катастрофическое падение доходов принципиально изменит общую финансовую, экономическую и социальную ситуацию в регионе, впрочем, как и в России.

Одновременно идёт быстрое увеличение производства энергии из нетрадиционных, возобновляемых источников, особенно за счёт Солнца и ветра. Всё это уменьшает значение ресурсов Ближнего и Среднего Востока для США и Европы, хотя и не для Китая, Индии, Японии.

В России данные по ценам на себестоимость добычи в высшей степени разбросанные: то утверждают, что средняя цена – \$2 за баррель, то приводятся таблицы, в которых на старых месторождениях средняя цена – \$6, на новых – \$20. В любом случае, добыча нефти в России будет двигаться в район Ледовитого океана и становиться всё дороже. Богатейшие месторождения горючих сланцев требуют новых технологий, которыми Россия пока не обладает. Трудное сотрудничество в энергетике со странами ОПЕК, в частности, со странами Ближнего и Среднего Востока, остаётся одним из приоритетов российской политики.

Геостратегическое положение России уникально. В глобальном плане она единственная страна Севера, граничащая на протяжении тысяч километров с новыми мусульманскими государствами или находящаяся от них сравнительно недалеко. Вопрос в том, будет ли эта пограничная полоса зоной нарастающих и разрушительных конфликтов или Россия и соседние страны сохранят и разовьют новые формы сожительства и сосуществования. Это одно из принципиальных и в значительной степени успешных направлений политики России в “ближнем зарубежье”.

При оценке любой внешней политики возникают традиционные, но сакральные вопросы о критериях её успеха или неудачи. Если говорить о месте внешней политики в отношениях между цивилизациями, то волей-неволей приходится мыслить не годами, не десятилетиями, а веками. И в их задымленной песчаными бурями дали вообще теряется понятие “успех” или “неудача”, “победа” или “поражение” того или иного актора исторической драмы. И российская, и американская, и европейская, и китайская политика на Ближнем и Среднем Востоке – лишь ограниченные по времени и пространству фрагменты отношений между миром ислама и мирами других цивилизаций, через боль и испытания, через пробы и ошибки ведущими к гармоничному сожительству друг с другом. Гармоничному? Да, потому что иного не дано, иное означает Апокалипсис.

Вызовы, с которыми человечество сталкивается в XXI веке, угрозы ядерной, химической и биологической войны, уже идущей кибервойны, неизвестные последствия распространения ИТ, экологической катастрофы, миграции миллионов, взрыв террористической организованной активности – все эти вызовы таковы, что с ними можно справиться, лишь объединив усилия всех.

Ещё вчера страны евроатлантической цивилизации, благодаря своему уровню технологий и производительности труда, интеллектуальной деятельности, общественным и политическим структурам и ценностям, развитию новых средств коммуникаций, лидерству в использовании интернета, считали свою модель мира самой совершенной. Сегодня прежние иллюзии умирают. Новая всемирная цивилизация должна быть основана на отношениях равных. И в этом новом мире равных каждая его составляющая будет вносить свой,

особый вклад во всемирную цивилизацию не только технологическим прогрессом, но и обогащением всех трансформированными достижениями своих собственных цивилизаций.

Опыт Японии, четырёх “маленьких драконов”, Малайзии, а затем и великого Китая показывает, что возможности для развития по своему пути с реальными достижениями есть и у мусульманских стран. Когда и как это произойдёт, сказать трудно.

Сама советская социально-политическая и экономическая модель была попыткой применить на практике крайние, радикальные общественные теории, родившиеся в буржуазном обществе Западной Европы в XIX веке. Человечество извлекло уроки из позитивного и из негативного опыта социалистических стран. Без этого опыта и Запад, и все человечество были бы другими. Правда, для русского народа плата за его вклад во всемирный опыт была чудовищно велика.

Нынешние стремления России повторить некоторые формы развития Запада очевидны. Но просто копирование невозможно и обречено на неудачу. Вся история гигантской России, её особой структуры, психологии русских и других населяющих её народов, система ценностей, которую они разделяют, говорит о том, что, заимствуя от Запада, приближаясь к Западу, она остаётся самой собой. Подъём Востока и желание оставлять не только окно, но и дверь открытой для сотрудничества со странами Востока позволяет России быть собой и одновременно впитывать достижения других народов.

В обновленной России могут выработаться элементы синтеза различных частей всемирной цивилизации. Россия нужна мусульманскому миру, как и мусульманский мир нужен России. России нужны и США, и Китай, и она нужна этим двум колоссам. Хотелось бы на ноте оптимизма завершить статью. Но – увы! – слишком много тревожных признаков того, что ни России, ни её соседям, ближним и дальним, ни её партнёрам, и более экономически развитым, чем она, и менее развитым, не избежать тяжких испытаний.